

Алина
ДАВЫДОВА

РАЗВОД В 45
ТЫ ПОТЕРЯЕШЬ ВСЁ

Алина Давыдова

Развод в 45. Ты потеряешь всё

<https://litres.ru/74050551>

SelfPub; 2026

Аннотация

О разводе с мужем мне сообщает свекровь. Меня вышвыривают из дома как безродную дворнягу. Мне 45 лет, и на первый взгляд кажется, что моя жизнь идет ко дну.

Но я не собираюсь сдаваться. Я буду действовать.

Я буду мстить.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Алина Давыдова

Развод в 45. Ты потеряешь всё

Глава 1

Я толкаю дверь плечом и на ходу сбрасываю с ног туфли. Ноги гудят. Мечтаю о том, как выдохну после рабочего дня. Делаю вдох и...

...морщусь.

Дом пахнет белизной. Едкий запах хлорки сразу же въедается в ноздри. Это значит только одно: к нам пожаловала Валентина Ивановна. Моя свекровь. Дама во всех отношениях монументальная. Начиная от семьдесят какого-то размера одежды и заканчивая сорок пятым размером ноги.

Как при таких габаритах она умудряется надраивать полы и наготавливать тазы пирожков — для меня до сих пор загадка.

— Лена, здравствуй, — произносит свекровь, выкатываясь из кухни. — Нам нужно поговорить. Садись.

— Здравствуйте. Сейчас, только помою руки и...

— Лена, — с нажимом повторяет она моё имя. — Я сказала: сядь. Не мельтеши.

Я выполняю её указание, плюхаясь за кухонный стол. Не потому что боюсь, а потому что знаю — спорить бесполезно. Властность у неё в крови. Такой квартирный диктатор, у которого расставлены дома тапки по размерам.

На столе высится гора оладушек. Пышных, жирных, масленых.

Я терпеливо жду, что последует привычный монолог о том, что я снова не так глажу рубашки, не так солю огурцы, не так живу. Готовлюсь покорно кивать.

Но вместо этого она смотрит прямо, почти торжественно, и бросает:

— Миша с тобой разводится.

Моя бровь ползет вверх.

— Простите... что?

Валентина Ивановна садится напротив и вздыхает.

— Ты всё слышала. Миша уходит от тебя. Ты нам не подходишь.

Она сидит как королева на троне, руки сложены на коленях, взгляд — ледяной.

— А Миша не хочет мне сообщить об этом лично? — уточняю с улыбкой.

В её глазах мелькает недовольство: мои саркастические комментарии в её сценарий явно не вписываются.

Я прекрасно знаю, что не нравлюсь своей свекрови. Никогда не нравилась. Она рыдала навзрыд на нашей свадьбе — и совсем не от счастья. Но чтоб придумать развод — это

у нее впервые.

Глупость какая-то.

Я пытаюсь понять, что звучит смешнее: то, что муж не удосужился сам сообщить о разводе, или вот это «нам». Как будто я выходила замуж не за одного человека, а за целый семейный консилиум.

— Думай что хочешь, — отрезает она. — Но пора заканчивать этот цирк. Мой сын впустую тратит с тобой время.

— Я вас услышала. Думаю, дождусь Мишу и спрошу у него лично.

— Зачем кого-то ждать? Тебе тут не рады. Не унижайся.

Я медленно выдыхаю.

— Вы предлагаете мне взять и уехать? Вот так просто?

— А что тебя смущает? Квартира принадлежит Мише. Если будет нужно, я перееду к нему, помогу прийти в себя и наладить быт. А ты не позорься. Возвращайся к себе домой.

Она смотрит на меня исподлобья.

Покачав головой, я обратно натягиваю неудобные туфли, хватаю сумку и выхожу из квартиры.

Но не потому что поверила — и собралась с позором уйти. А чтобы сообщить Мише, что его мать, кажется, тронулась умом на старости лет.

Я иду по коридору университета, думая о том, как бы корректно завести разговор.

«Дорогой, у твоей мамы поехала крыша!» — так себе на-

чало диалога.

Надо быть аккуратной. Всё же у Михаила с матерью особые отношения. Отца в их семье не было, поэтому всю любовь Валентина Ивановна вложила в единственного сына. До сих пор вон пылинки с него сдувает.

Я в их отношения никогда не лезла. Понимала, что мама — это святое. Мы не конфликтовали, просто недолюбливали друг друга. Но все эти годы жили относительно спокойно.

Выдумать, будто Миша хочет меня бросить — это слишком даже для нее.

Время уже позднее, но у вечернего потока как раз экзамены, поэтому последние недели Михаил задерживается до самой ночи.

Дверь в аудиторию приоткрыта. Заглядываю — а там Миша, весь такой важный, в очках и со строгим видом, а перед ним рыдает какая-то девчонка в розовом свитере.

— Михаил Денисович, пожалуйста, — всхлипывает она. — Я выучила все билеты, кроме этого. Спросите меня любую другую тему! Я отвечу! Ваш экзамен — единственный, который мне осталось сдать.

У входа толпится ещё несколько студентов, которые лихорадочно листают конспекты.

— Правила есть правила. Если я каждому буду делать поправки, то в чем смысл обучения? — его голос холоден. — Вы не ответили на мои вопросы. Пересдача в следующем семестре.

Непреклонный, принципиальный, железный Михаил Денисович. Со всеми таков — кроме семьи. Со мной он всегда был нежен и ласков. Мы даже не скандалили толком. Потому что с Мишей невозможно ругаться. Он совершенно неконфликтен.

Девушка начинает рыдать и выбегает из аудитории, а я бесцеремонно вхожу внутрь. Никто не пытается мне помешать. По всей видимости, сдающие и сами не прочь улучшить несколько дополнительных минут.

— Ты... что ты здесь делаешь? — удивляется Миша.

— Миш, тут такое дело. Я должна тебе кое-что сказать...

Я прикрываю дверь и подхожу ближе. Брови моего супруга хмурятся.

— Это не может подождать? У меня важный экзамен.

— Боюсь, что нет. Понимаешь, сегодня я вернулась домой, а там твоя мама.

Я пересказываю наш короткий разговор. Миша качает головой, а затем вздыхает и прижимает меня к себе.

— Ну-ну, не реагируй так остро, — шепчет мне на ухо.

— Мама просто слишком...

— Да уж, она слишком лезет в нашу жизнь. Я согласна. У всего есть пределы и этот...

— ...прямолинейна, — заканчивает Михаил, потупившись.

Я застываю каменным изваянием и несколько секунд пытаюсь переварить сказанное.

— Что?!

— Прости, — он отпускает меня, отходит на шаг, как будто опасается, что я могу ударить. — Но нам действительно лучше расстаться. Наш брак пустой. В нём давно нет любви.

— Это тебе мама так сказала?

Его лицо каменеет.

— Прекрати срывать свою злость на ней. Мама желает мне только лучшего. Лен, мы с тобой многое прошли вместе. Я тебе благодарен за всё. Но мы никуда не движемся. Нам лучше разойтись, пока этот союз не уничтожил нас изнутри. Ты обязательно себе кого-нибудь найдешь.

Всё. Крышка. Приехали.

Мне нечего ответить на его философские бредни.

Я разворачиваюсь и иду прочь — быстро, чтобы он не увидел, как у меня трясутся руки.

— Лен, дома поговорим! — клятвенно обещает Михаил.
Да иди ты, знаешь, куда...

Хлопаю дверью, вырываясь наружу.

— Что, этот старый пердун вас тоже завалил? — сочувственно спрашивает какой-то студент.

— Угу, — выдавливаю я. — Ещё как завалил.

Парень понимающе кивает.

— Он тот еще упырь, — соглашается девушка с розовыми волосами. — Я б всё отдала, чтоб его понос разобрал.

Не смею с ней спорить.

В голове не укладывается. Ещё утром я планировала, куда мы поедem в отпуск, выбирала санатории. Миша не любитель активного отдыха. Ему нужны всякие процедуры, соляные пещеры, вихревые ванны и всё такое прочее.

Он вообще много чего не любит, если вдуматься.

Раньше я не обращала на его капризы внимания, а сейчас, пока еду в автобусе, они обрушиваются на меня потоком воспоминаний.

— Лен, не душись так сильно, голова болит, — морщил нос мой муж.

— Лен, ну зачем ты так ярко покрасилась, — горестно ахал он.

— Лен, ну кто так пассирует помидоры, — вздыхал он.

А я, дура наивная, ещё восхищалась тем, что Михаил вообще знает такое слово: «пассирует».

Конечно, большинство претензий рождалось в его голове после общения с дражайшей матушкой. Та имела на Мишу особое влияние. Даже если мы что-то с ним совместно решили, а потом его мама сказала: «Мне не нравится эта идея» — Миша пытался аккуратно от нее отказаться. Без скандалов. Но её мнение всегда было ключевым в нашем браке.

Во всём.

И вот. Он со мной разводится. Наверняка по её требованию.

Вы спросите, а почему я вообще всё это терпела?

Ну, не бывает идеальных людей. У моего мужа хватало до-

стоинств, которые скрывали один «маленький недостаток».

Кроме того, Миша умел, скажем так, правильно подлизаться. Он успокаивал меня:

— Давай сделаем, как хочет мама. Нам несложно, а ей приятно будет. Она же совсем одна, у неё никого нет. Что стоит нам немного скрасить её будни?

И я начинала мучиться совестью. Мол, действительно, надо хоть как-то мамочку порадовать.

М-да. Глупая овца.

Ехать домой не хочется. Конечно, я туда вернусь. Но позже. Там свекровь, а к прямой конфронтации я пока не готова. Поэтому напрашиваюсь к Дашке.

Моя подруга, ещё институтских лет. Что называется, вместе прошли и огонь, и воду, и студенческое общежитие.

Она не отказывает.

Дверь её квартиры открывается с грохотом — Дашка держит сына одной рукой, а второй пытается выломать вечно заедающий замок.

— Заходи, — устало бросает она, — я тебе какао сварила. У меня всё равно мозг расплавляется, может, хоть сахар поможет. Димка третий день отказывается ложиться раньше часу ночи. Будешь его развлекать.

На кухне хаос: игрушки под столом, в тарелке с печеньем лежит погрызенный динозавр, и сам динозавр явно недоволен своим положением. Дашкин сын, карапуз с серьёзным лицом, крутится вокруг нас, то лезет под стул, то тянет мать

за рукав. Ему едва стукнуло три года.

— Мама, смотри! — орёт он, потрясая пластиковой машинкой у самого моего уха.

— Да-да, вижу, — машет она. — Ты аккуратнее, а то по голове тете Лене заедешь.

Я наливаю какао в кружку и обжигаю нёбо сразу же, как только делаю глоток. Дашка с видом боевого генерала усаживается напротив, отталкивая машинку сына в сторону.

— Ну, выкладывай, что случилось.

Я вздыхаю.

— Миша со мной разводится. Точнее, его мама решила, что мы разводимся.

— Чего? Ты шутишь, да?

Но, выслушав меня, Дашка закатывает глаза.

— Кошмар. Маменькин сынок. Димка, не смей таким быть, усек?

Мальчишка кивает и начинает вдумчиво грызть динозавра.

— Что мне делать, Даш? Я не понимаю.

— Ты хочешь его вернуть? — спрашивает она, глядя на меня в упор.

— Я... не знаю... наверное, — признаюсь я. — Но как быть, если он так поступил со мной? Просто проглотить? Убедить, что не нужно разводиться? Это же бред какой-то.

Я замолкаю, а в голове начинают всплывать сцены из нашей «идеальной» семейной жизни.

Как на свадьбе Михаил не решился выбрать ресторан сам, и свекровь настояла на каком-то бистро своих знакомых.

Как в первую годовщину я мечтала поехать на море, но поехали мы в деревню к его маме, потому что «ей скучно одной».

Как она давила на меня даже в мелочах: я хотела диван малахитового цвета, но в гостиной стоит унылый бежевый, «практичный, а не вызывающий».

— Я всё это время закрывала глаза, — говорю тихо. — Терпела. Думала — ну ладно, у всех свои странности. А он ведь даже не пытался... быть самостоятельным.

Димка тем временем начинает бегать по кухне, напевая что-то своё, и периодически дергает мать за ногу. Иногда он лезет к ней на ручки. Иногда — пытается вскарабкаться на спину. Та стряхивает его с себя, но беззлобно.

Я смотрю на них и вдруг ловлю себя на том, что завидую: Дашка вся в мыле, измотанная, но у неё есть жизнь. Есть любимый мужчина (с которым они, между прочим, тоже встретились не так давно). Есть своя маленькая вселенная, где центр — этот смешной человечек.

Мы с Мишей так и не смогли родить ребенка. Ну, как мы... я не смогла. Сначала было некогда — муж писал научные работы и не был готов возиться с пеленками. Потом — начались проблемы с зачатием. Мы попытались лечиться, ходили по врачам.

Но — впустую.

Теперь вот мне сорок пять...

И, наверное, уже поздно пытаться. Хотя я бы всё отдала за малыша.

Дашка цокает языком, отгоняя сына, который снова при-тащил машинку к нашим кружкам.

— Знаешь что? Твой Миша просто трус. И негодяй. Потому что взрослый мужик, уважаемый преподаватель, должен сам решать, с кем он живёт. А если он перекладывает это на маму — то всё, диагноз.

— Ну... — я мнусь.

Несмотря на события этого дня, во мне всё ещё сидит идиотское желание защищать мужа от нападок.

— Что «ну»? Он послал маму делать грязную работу вместо того, чтобы самому поговорить с женой! Это уровень детсадовской подлости!

— Ты права, — признаю через силу. — Он всегда был маменькиным сынком.

— Вот именно! Наконец-то ты это признала!

Мы общаемся ещё некоторое время. Какао давно выпит, а Димка умотан беготней так, что норовит заснуть прямо в детском стульчике.

— Хочешь, переночуешь у нас? — спрашивает Дашка, сонно потирая глаза. — Кухонный уголок раскладывается.

Я качаю головой.

— Нет уж. У меня есть свой дом. И я собираюсь туда вернуться.

Глава 2

Я подхожу к двери. Ключ вставляется, но не поворачивается. Я пробую ещё раз — тщетно.

Сначала думаю, что руки дрожат, но потом понимаю, что просто ключ вставлен с внутренней стороны. Мы с Мишей так никогда не делаем.

Надавливаю ещё и ещё. Уже откровенно бешусь. Звоню, стучу. Бесполезно.

Что это, попытка изгнать меня раз и навсегда?..

И тут, как по заказу, из-за двери звучит знакомый голос: — Лена, ты ведешь себя глупо. Я же попросила уйти по-хорошему. Зачем ты поехала отвлекать Мишу?

Я ошарашенно прижимаюсь к глазку, хотя ясно, что он мне ничем не поможет.

— Валентина Ивановна, не сходите с ума, — пытаюсь говорить спокойно, хотя внутри всё бурлит. — Я здесь живу.

— Это ненадолго, — невозмутимо отвечает она. — Квартира принадлежит Мише. Твоего тут ничего нет.

Внезапно меня разбирает смех.

— Что, даже трусы мои себе заберёте?

На том конце замешательство. Чуть позже Свекровь с сомнением произносит:

— Ладно, трусы можешь забрать.

Вот спасибо, благодетельница вы моя. Не оставила с го-

лым задом. В прямо смысле слова.

Щёлкает замок, и я прохожу внутрь. Свекровушка стоит, как надзиратель, сложив руки на груди. Своим телом она занимает весь проход.

— Быстро собирай вещи, — бросает она. — В спальню не ходи. Там Миша спит.

А, так мой благоверный преспокойно дрыхнет, пока его жена ломится в двери?

Мне даже язвить не хочется. Захожу в гардеробную и начинаю складывать одежду в сумку. Каждое движение отзывается внутри тошнотворной пустотой. Это мой дом, мой шкаф, мои кружки на кухне — и вдруг я будто вор, которому разрешили взять только самое необходимое. А над душой всё время маячит тяжёлое дыхание Валентины Ивановны.

Я чувствую себя ужасно гадко. Униженно. Ненужной.

Меня вышвыривают, как ненужную вещь.

Но в этот момент зарождается другое чувство. Оно растёт, крепнет, как сорняк сквозь бетон. Жажда мести.

Я хочу, чтобы и Миша, и его мамочка пожалели. Чтобы каждое их утро начиналось со страха: а что она сделает сегодня? Холодное спокойствие приходит внезапно.

Валентина Ивановна этого не замечает. Она всё так же стоит и следит за тем, как я, её нежеланная невестка, торопливо упаковываю свою жизнь в две сумки. Как забираю те самые трусы из ванной. Как пытаюсь уложить туфли.

Что ж. Пусть они думают, что избавились от меня.

Но я так просто не уйду.

— Передайте Мише, что он трус.

Уверена, он давно проснулся. Но малодушно прячется в кровати, только бы не встречаться со мной.

— Я всегда знала, что ты особа скандальная и недалекая. Именно поэтому и приняла удар на себя.

Я сжимаю кулаки. Мне хочется разбить что-нибудь. Кричать. Устроить скандал.

Но вместо этого я просто беру сумки и иду к выходу.

— Неужели вы действительно гордитесь тем, что вырастили слюнтяя? — спрашиваю напоследок. — Настоящий мужчина никто бы не поступил так по отношению к своей жене.

Ее лицо на секунду искажается, но свекровь быстро берет себя в руки.

— Много ли ты знаешь о настоящих мужчинах. Сама даже наследника родить не смогла.

Дверь захлопывается за моей спиной.

Моя добрачная квартира встречает меня пылью и запахом чужих духов. Последние жильцы съехали три недели назад, и я всё не могла найти время, чтобы провести генеральную уборку.

Что ж, оно и к лучшему, что съехали. Не придется думать, где ночевать.

Я достаю швабру, наливаю мыльный раствор в ведро. Пока руки заняты, и думается легче.

Как всё дошло до этого?

Да, Миша всегда плясал под мамину дудку. Но чтобы вот так — выставить жену за дверь, разрешить мамочке командовать, малодушно скрываться за её спиной?

Это уже не просто слабохарактерность.

Это предательство.

Я убираюсь до самого утра, а после долго ворочаюсь без сна на жестком матрасе. Засыпаю только под утро, и то на час. Утром пью кофе из старой турки — даже кружки нормальной нет — и понимаю: нет, так не пойдет.

— Я не позволю им просто выкинуть меня на улицу.

На работе беру отгул — всё равно не смогу сегодня ни о чем думать.

Несколько раз звоню Михаилу. Тот не берет трубку.

Ладно, действуем по старой схеме — съездим лично к нему в университет.

Но на проходной охранник смотрит на меня так, будто я только что заявилась в бикини и с бензопилой.

— К сожалению, вам доступ запрещён, — сообщает он.

— В смысле? На каком основании?

— Вы числитесь как... — он зачитывает с листа бумаги, — конфликтная особа.

Я чувствую, как кровь ударяет в виски.

— Послушайте, тут работает мой муж. Если я не могу зайти внутрь, попросите его спуститься сюда. Я отсюда просто так не уйду.

— В таком случае я буду вынужден вызвать наряд полиции. Дамочка, освободите территорию. Немедленно.

Так, кажется, сейчас я действительно стану «конфликтной особой» и прорвусь внутрь боем.

И тут сзади раздается спокойный баритон:

— Что здесь происходит?

Оборачиваюсь — передо мной стоит высокий мужчина лет пятидесяти, в идеальном черном костюме и с выражением легкого любопытства на лице.

Я выпаливаю, всё ещё горя от раздражения:

— Я должна срочно увидеть Михаила Сорокина, но меня не пускают внутрь.

Незнакомец поднимает бровь.

— С чего бы это?

— Вадим Григорьевич, поймите. Тут дело такое. У меня стоит отметка, — объясняет охранник. — Дама скандальная, и...

Мужчина приподнимает бровь. Уголок его рта чуть подрагивает в сдержанной усмешке.

— Пропустите. Она со мной.

И вот чудо: охранник, который минуту назад готов был вызвать спецназ, мгновенно нажимает кнопку турникета. Щёлк — и я уже внутри. А рядом идёт мой «спаситель», такой уверенный, словно он здесь хозяин.

Интересно, кстати, а кто он вообще такой? Вон, охранник слова не сказал. Молча выполнил указание.

А ведь он хорош собой.

Высокий, подтянутый. Широкие плечи, прямой взгляд — спокойный, но цепкий, словно он видит всё насквозь. Лицо мужественное, с чёткими чертами, но без резкости. В волосах пробивается благородная седина, которая ему только идёт, придавая шарма.

Он кажется человеком, который точно знает себе цену и не терпит суеты.

— Так в чём у вас конфликт с Михаилом Денисовичем?
— уточняет мужчина.

— С чего вы взяли, что у нас конфликт?

— Вы выглядите несколько воинственно.

Я зависаю на долю секунды. Признаться, что у нас семейная ссора? Тогда я, и правда, покажусь обычной истеричной бабенкой, которая пришла орать на своего горе-муженька.

Нет, это не выход.

Я произношу:

— Он... он берёт взятки.

Вообще-то в какой-то мере так и есть. Ничего совсем уж криминального. Но бутылки, конфеты, какие-то подарки появлялись в нашем доме постоянно. Возможно, деньги Миша тоже брал — но я об этом не знала.

Мужчина приподнимает бровь.

— Вы чья-то мать?

Я киваю.

— Да. Одной из студенток. И я буду жаловаться. В мини-

стерство. В прокуратуру.

— У вас есть доказательства?

— У меня есть признание моей дочери.

— Давайте решим вопрос мирно, — произносит он после короткой паузы. — Дайте мне время во всем разобраться. Простите, как вас зовут?

— Елена.

— Елена, это очень серьезное обвинение. Но, сами понимаете, я не могу поверить вам бездоказательно. Обещаю в ближайшее время во всем разобраться. Сейчас как раз сессия. Лучшее время для взяток.

Звучит, конечно, хорошо. Но вообще выглядит это так: какой-то непонятный мужчина обещает мне в чем-то разобраться.

— Простите, а вы...

— Вадим Григорьевич Ильин, ректор данного заведения.

И, как вы понимаете, я не потерплю взяточничества в этих стенах. Смотрите, давайте поступим так. Мой номер есть на сайте. Позвоните мне через несколько дней. Я сообщу вам о ходе расследования. Но общаться с Михаилом Денисовичем вам незачем. Оставьте свои данные в секретариате. Он находится чуть дальше, за кафетерием. Мы с вами свяжемся.

Звучит всё ещё очень даже неплохо, за тем исключением, что никаких доказательств у меня, конечно же, нет. Как и дочери-студентки.

— Хорошо, сейчас же зайду в секретариат.

— Спасибо вам за сознательность. С вашего позволения.

Он чуть наклоняет голову и уходит быстрым шагом, растворяясь в коридоре.

Я остаюсь одна.

Разумеется, в секретариат я не иду, а окольными путями, озираясь, чтобы не наткнуться на ректора, пробираюсь к кабинету моего мужа.

Открыто. Миша бледнеет, как мел, когда видит меня. Я захопываю за собой дверь и начинаю надвигаться на него.

— Я тебя прошу, давай без сцен, — умоляюще смотрит он.

— Это ты устраиваешь сцены, — шиплю я. — Это ты выгнал меня из дома.

Он тяжело сглатывает.

— Не выгнал. Это мама... Тебе ведь есть, где жить, поэтому... Я бы никогда не выставил тебя, если бы...

— А ты поговорить со мной не хотел? Перед тем, как разводиться? — перебиваю я. — По-человечески? Ртом? Может быть, я бы и сама ушла.

Он стыдливо молчит. Я делаю ещё шаг вперед.

— Но почему-то ты прячешься в институте и просишь охрану не пускать меня внутрь. А твоя мамочка запрещает мне забрать лифчики, потому что их, видите ли, купил мне ты.

— Лен, послушай...

Он смотрит на меня так тоскливо как дворняга.

— Я не хочу ничего слушать. Я хочу развестись, в этом наши с тобой желания сходятся. Мирно. Без скандалов и грязи. Поделим имущество и...

И вот тут муженек меня добивает. В его глазах вспыхивает жалкий, жадный огонёк.

— Как это поделим? — произносит он, как будто я предложила отдать мне свою почку. — Какое такое имущество? Лен, не глупи...

— Я работала все эти годы наравне с тобой.

— Ну, квартира-то моя. А что ещё ты собралась делить? Диваны? Стиральную машинку?

Злость поднимается во мне лавиной.

— Да пусть даже и её. Имею полное право.

— Лена, ты ведешь себя смехотворно!

Это я-то так себя веду?!

В этот момент что-то окончательно ломается во мне. Я вдруг ясно вижу, кто он на самом деле: мелочный, жадный мужчина.

— Хорошо, Миша, — грустно улыбаюсь я. — Раз уж я веду себя смехотворно. Не буду тебя отвлекать.

— Спасибо, Лена. Я рад, что мы всё уладили.

Он, похоже, не замечает этого ядовитого оттенка в моём голосе. Но я-то знаю: в эту секунду всё решено окончательно. Я не дам ему лёгкой жизни. Я буду действовать.

Я буду мстить.

Глава 3

Я никогда не задумывалась над тем, что мой муж — бытовой инвалид. А ведь это так. Я готовила, стирала, гладила, заполняла за него налоговые документы и даже прикручивала розетки.

Потому что он — человек науки. Он руками работать не умеет.

Яйца себе пожарить — миссия невыполнимая. Даже чайник включить без чьей-то помощи — уже подвиг. За него всегда всё делала мама. А потом — жена. То есть я.

Я раньше думала: ну, у всех есть свои недостатки. Кто-то не умеет водить машину, кто-то вечно опаздывает, а мой не знает, откуда в шкафу берутся чистые рубашки. Он думает, что они появляются там сами по себе.

Мы прожили вместе пятнадцать лет. Сошлись, когда нам было уже по тридцать.

Я ещё радовалась, что у Миши нет за плечами ни бывших жен, ни детей. Здорово же. Почему их не было? Ну так это легко объяснимо: он много учился, писал кандидатскую, преподавал.

Ну да, ну да.

Просто его девушек отпугивала мама-цербер.

Весь день я слоняюсь без дела. Заканчиваю уборку квартиры. Закупаюсь продуктами.

А вечером дожидаюсь, когда Михаил уж точно будет дома, и еду в нашу общую квартиру.

Чтобы произвести раздел имущества здесь и сейчас.

Ключ вновь не проворачивается. Как и вчера, он вставлен в замок изнутри.

— Миша! — стучу. — Открывай. Это я. Твоя пока ещё жена.

Ни-че-го.

Я звоню в дверь, стучу сильнее. Ни единого звука. Как будто в квартире никого нет. Но я-то знаю: мой муж точно там. У подъезда стоит его автомобиль.

Меня так бесит его трусость, что трясёт. Я бью кулаком в дверь.

— Ты серьёзно?! Будешь прятаться?! Миша, в квартире остались мои вещи! Ты не можешь просто сделать вид, что меня не существует!

В ответ — мёртвая тишина.

Я достаю телефон и звоню в службу вскрытия замков.

— Вы знаете, кажется, у меня сломался ключ. Не могу открыть замок. Поможете? Да, прописана. Да, документы при себе. Жду вас.

Через двадцать минут подъезжает мастер. Он только начинает колдовать с дверью, как та распахивается.

На пороге появляется Миша. Бледный, растерянный, как мальчишка, которого застукали за чем-то постыдным. Он запахивает рубашку на ходу и подтягивает домашние штаны.

— Ты что творишь?! — шипит он.

Я уже готова выдать всё, что думаю, но тут замечаю за его спиной девушку. Она топчется в глубине коридора. Молодая. В спортивных шортах и старой футболке Миши. Глаза испуганные, волосы растрёпаны. Она жмётся к стене, как пойманный воробей.

Да ей лет двадцать! Студентка, что ли?!

Свекровь, видимо, уехала. Как же так, обещала же бдеть за сыночком.

Вон, не уследила, он уже какую-то девицу привел.

Я застываю на месте.

— Гражданочка, так что вы сразу не сказали, что у вас в квартире кто-то есть? — удивляется мастер. — Его бы и попросили дверь открыть.

— Ой, совсем запамятовала, — улыбаюсь я и протягиваю оплату. — Держите.

Мужчина непонимающе хмурится, но вопросов не задает. Он уходит, и мы остаемся с Михайлов вдвоем.

Вообще-то втроем. Хотя девушка за его спиной особо не высовывается.

— Лена, мне стыдно за тебя, — начинает мой муж.

— Тебе. Стыдно. За. Меня? — по слогам повторяю я, на двигаясь на Михаила.

Тот отступает назад, бросает жалкий взгляд на свою пассиву, которая уже почти вросла в стену, и бормочет что-то невнятное.

— Лена... Мы взрослые люди...

— Ты что, изменял мне и поэтому решил развестись?!

— я наступаю на него, чувствуя, как в груди поднимается ярость.

— Нина мне лучше подходит... — выдавливает Миша, избегая моего взгляда.

Девушка так и стоит в сторонке, лишь хлопает ресницами.

— Чем конкретно? — я почти шиплю. — Отвечай!

— Она моложе, добрее. Она понимает меня с полуслова.

У нас с ней одинаковые вкусы.

— Вы оба без ума от твоей мамочки? — я даже не стараюсь скрыть сарказм.

Ну, потому что это забавно. Что общего может быть у старого мужика-профессора и юной девушки? Какие одинаковые вкусы?!

Я вспоминаю наши пятнадцать лет. Его вкус на всё — это вкус его мамы. Разве что и новую невесту ему выбрала Валентина Ивановна. Тогда не удивлюсь.

— Лена, прекрати ёрничать.

«Прекрати».

Его коронная фраза. Прекрати чувствовать, прекрати злиться, прекрати существовать не так, как нам удобно.

Всё. Мое терпение лопается с громким хлопком. Бум! Я врываюсь в спальню. Михаил не препятствует, только повторяет про диалог и про то, что мы должны расстаться адекватно.

Да черте с два!

Открываю шкаф и начинаю срывать с вешалок свои платья, кидаю в сумку блузки, колготки. В первый раз не смогла всё унести, но теперь ничего не оставляю.

— Одинаковый вкус, значит? — мстительно уточняю я. — Ну, тогда я забираю всё то, что купила сама. Оно же вашему вкусу не соответствует.

Картины, которые я покупала, с грохотом летят со стены. Хватаю вазу — мне подарили её на сорок лет коллеги — и швыряю об пол. Осколки разлетаются во все стороны.

Где-то в углу мелькает испуганная мордочка студентки — её глаза такие круглые, что, кажется, вот-вот выкатятся наружу. У неё случаем не базедова болезнь?

— Лена! Что ты делаешь?! — визжит Михаил, мечась между мной и своей перепуганной пассией.

— Как что? Делю имущество. Освобождаю тебя от лишнего барахла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.